Лана Барсукова

Судьбы водят хоровод

Лана Барсукова

Судьбы водят хоровод

Серия «Простая непростая жизнь. Проза Ланы Барсуковой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65061536
Судьбы водят хоровод:
ISBN 978-5-04-121547-7, 978-5-04-122066-2

Аннотация

Перед вами сборник рассказов, но не простой. Пути героев пересекаются. Рассказы имеют единую нить, которая связывает отдельные истории в большую книгу судеб. Герои словно передают друг другу эстафету рассказчика. И нам остается посмеяться или погрустить вместе с ними – обычными людьми, похожими на нас с вами. Это мужчины и женщины, молодые и не очень. Здесь нет Золушек и Принцев. Простые истории про реальную жизнь.

Содержание

Предисловие 5
Очень дорогой психолог 7
Впустить холод 20
Коню понятно 34
Цветы для мертвой царевны 51
Верхом на комоде 66
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Лана Барсукова
Судьбы водят хоровод

© Барсукова С., 2021
© Валентин Губарев, иллюстрации, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

«Судьбы? Хороводы? Что за бред!» – скажет строгий читатель.

В его глазах светится превосходство над автором, которому мерещатся какие-то хороводы. А он такой сильный, решительный, всего добьется сам. Ему хороводы водить некогда, да и незачем. Вот-вот изловчится, схватит счастье и никому его не отдаст.

Желаю удачи, но уверена, что ничего не получится. Счастье не любит нахрапистых. Им достается успех, иногда слава, часто деньги и почти всегда зависть. Но не счастье.

Счастье ждут терпеливо и смиренно, заполняя дни обычными делами. Поработать на шефа, приготовить еду, понервничать над школьными уроками, попить кофе с подругой… Так проходит жизнь. Иногда еще успеваем посмотреть на березу за окном. У вас тополь? Тоже неплохо. И кажется, что мы никуда не движемся, топчемся на месте, а жизнь проходит мимо. Вчера береза была зеленой, а сегодня уже золотая. Жалко себя до слез, ведь жизнь – штука одноразовая.

У меня хорошая новость: мы не стоим. Мы водим хороводы вокруг счастья.

Возможно, пока оно повернуто к нам спиной, не видит нас. Но обязательно на каком-то витке нашего кружения мы встретимся со счастьем взглядом, оно подмигнет нам и объ-

явит своим избранником. Надо только не расцеплять рук, быть частью этого хоровода.

«Какие руки? Какой хоровод? Автор! Оглянись вокруг! Каждый сам по себе», – продолжает бушевать строгий читатель.

Не соглашусь. Уверена, что люди связаны друг с другом незримыми нитями. Просто в этом хороводе мы не видим тех, кто идет позади нас. Не можем рассмотреть тех, кто впереди: сутулая спина, невыразительный затылок, лица не видно. Да и зачем нам его лицо? Так рождается иллюзия нашего одиночества.

Эти рассказы напомнят нам, что мы не одни. Наши судьбы, как бусинки, собраны вместе. И от того, кто стоит рядом, зависит наш путь. Счастье улыбается тому, кто не разжал рук, не вышел из хоровода.

Это не просто сборник рассказов. Скорее, это необычный роман про нашу жизнь в виде калейдоскопа коротких историй. Герои передают друг другу эстафету рассказчика. Женщины и мужчины, молодые и не очень, водят хоровод вокруг счастья. В этом круженье, в сцепке рук и есть наше спасение.

Ваша Лана Барсукова

Очень дорогой психолог

У Ирины были проблемы с мужем. На этом фоне проблемы с начальником или с соседом, увлекающимся ночным ремонтом, казались ей незначительными неприятностями. Все-таки муж не сосед. И тем более не начальник. Их-то всегда можно поменять и часто в лучшую сторону. А вот с мужем сложней. Конечно, и тут замена возможна, но на практике это очень редко ведет к улучшению полезных свойств мужа. К такому выводу Ирина пришла, обобщая и систематизируя опыт своих многократно замужних подруг.

Будучи человеком с высшим математическим образованием, Ирина подвела под свои наблюдения мощную теоретическую базу. База была такова: женщины укладываются в нормальное распределение, то есть абсолютное большинство женщин обладают средним, но вполне добротным интеллектом и прочими средними достоинствами. И лишь единицы оказываются полными дурами или абсолютными умницами. Уродки встречаются так же редко, как и красавицы. Другими словами, отклонения как в худшую, так и в лучшую сторону среди женщин случаются редко. И это в корне отличает их от мужчин, среди которых хронический дефицит нормальных мужиков, зато полно гениев и придурков. У них провал в фазе среднестатистических способностей. И выходит, что обычным нормальным женщинам очень трудно встре-

тить себе подобного мужчину. Вечно попадаются какие-то «недоделанные» или, наоборот, слишком умные, слишком заряженные на успех. А с такими жить – это как на вулкане греться. До поры до времени тепло, но в любую минуту может рвануть.

Такие рассуждения привели Ирину к прочному выводу, что ей в жизни в общем-то повезло. Ее муж, Станислав, он же Стасик, был обычным нормальным мужчиной, без особых закидонов. Талантов и прочих выдающихся характеристик у него, слава богу, не было. Но зато и тупости в особо крупных размерах не наблюдалось. К тому же он не пил, не курил, не гулял.

И все бы хорошо, но Стасик обладал тяжелым характером. Другими словами, муж часто был не в духе. Это проявлялось в ворчании по пустякам, в мрачной молчаливости и в дерзких ответах на простые вопросы.

Ирина страдала. Стасик приходил с работы, и она с тревогой вглядывалась в его лицо, пытаясь определить, в каком он сегодня настроении.

– У тебя все хорошо?

– Да.

– А почему так односложно? Что-то случилось?

– Все хорошо.

– Точно?

– У меня все хо-ро-шо! – начинал закипать Стасик.

– А что ты кричишь? Я же вижу…

– Что ты видишь?

– Что что-то случилось.

– Да, случилось.

– Что, дорогой?

– Я домой пришел, только и всего. Как ты умеешь доставать своими дурацкими вопросами! – с нескрываемым раздражением отвечал Стасик.

Ирина была не дура. Она умела делать выводы.

На следующий день Ирина намеренно ни о чем не спросила вернувшегося с работы мужа. Более того, она встретила его с демонстративной жизнерадостностью, так выигрышно контрастирующей с его мрачностью.

– Смотри, какой я тебе шарф купила!

Стасик почти с ненавистью посмотрел на ее бодрое лицо. Но промолчал.

Ирина поддала оптимизма:

– И как к куртке подходит…

Стасик сжал челюсти, отчего забегали желваки.

– И недорого совсем…

Стасик шумно задышал через нос.

– Потрогай, какой мягкий…

И Ирина ткнула шарфик в нос мужа. Он выхватил подарок, рывком открыл балконную дверь и швырнул туда мохнатое изделие.

– Ой, – пискнула от неожиданности Ирина, забыв про былой оптимизм.

– Ты что, не видишь? – зарычал Стасик. – У меня на работе неприятности, а ты со своим шарфиком…

Ирина поняла, что не угадала со сценарием. Всю ночь она проплакала в подушку. Утром было принято решение: ей нужен психолог. Ей просто необходимо разделить с кем-то риск неудачных сценариев или вовсе их избежать.

Но деньги… Не то чтобы их не было вовсе. Стасик хорошо зарабатывал, и деньги в семье водились, однако тратить семейный бюджет на такое баловство Ирина считала неправильным. В глубине души она сомневалась в полезности психологов. Но нельзя было отказываться от шанса спасти семью. Ирина боялась, что в следующий раз Стасик выбросит не шарф, а саму Ирину. И не из окна, а из своей жизни.

Искать психолога Ирина решила в Интернете. Расспрашивать подруг о такой интимной сфере она стеснялась. Вот если бы муж пил, тогда другое дело. Подруги дали бы массу полезных советов: от адреса бабушки, которая «заговаривает», до рецепта зелья, от которого «рвет на водку». А тут ерунда, блажь. Стасик не пьет, не бьет, вообще ничего криминального не делает. Просто Ира его раздражает. Подруга Галка наверняка скажет: «Мне бы твои заботы». Нет, психолога придется искать самой, в условиях жесткой конспирации. Ирина твердо решила воспользоваться услугами психолога без ведома мужа. Чтобы ее просветление стало для него приятным сюрпризом.

Интернет оказался набит психологами. Они лезли из его

щелей, как солома из прохудившегося чучела. Ирина сузила поиск до «психолога, специализирующегося на семейных проблемах». Но и в этом случае предложение явно превышало спрос. Тогда Ирина ввела еще одно ограничение: ей нужен только дистанционный формат. Чтобы психологическую помощь оказали по телефону или Скайпу, без всяких там личных контактов. Ирине казалось, что так ей легче будет говорить о своих проблемах.

Но и при таком ограничении психологов оставалось довольно много. Все хвалили себя, у всех был опыт, все обещали работать до устойчивой положительной динамики. Отличие было лишь в цене. Желанное семейное счастье предлагали за принципиально разные деньги. А зачем платить лишнее, если результат одинаковый?

Ирина нашла самого бюджетного психолога. Перевела символическую сумму на карту и позвонила.

Девочка с выговором хронической отличницы даже не старалась скрыть, как она рада звонку. Очевидно, клиенты не баловали ее своим вниманием. После обмена дежурными фразами приступили к делу.

– У меня проблемы…

– С мужем или детьми?

– С мужем.

– Жалко, – глубоко вздохнула отличница.

– Почему?

– У меня с детьми больше практики. Но я постараюсь вам

помочь. Расскажите какой-нибудь эпизод, который остался в вашей памяти как сгусток негативной эмоции.

– Сгусток чего?

– Эмоции.

– Ах, эмоции… Ну, например, я ему шарф купила, а он его на балкон выкинул.

– Кто он?

– Муж. – Ирина начала подозревать, что чрезмерно сэкономила.

– Значит, муж выбросил вещь на балкон. А дверь он при этом открыл широко?

– Да не очень… – опешила Ирина. – Она у нас широко не открывается. Там фикус стоит, ее подпирает.

– Фикус? – почти закричала психологиня. – Это классический случай.

Ирине стало интересно. Все-таки классика ей всегда импонировала.

– Ваш муж таким образом выражал протест.

– Я заметила, – сухо поблагодарила Ирина.

– Он протестует против сковывающих его энергию бытовых артефактов. Балкон – это же не просто дверь. Это преграда на пути к свободе, к свету.

– Вообще-то уже почти ночь была…

– Не важно! – возбудилась психологиня. – Улица, воздух, открытое пространство в любом физическом состоянии ассоциируются со свободой и полетом.

– Так он шарф на свободу выпустил? – начала догадываться Ирина.

– Да! Именно! Он придал шарфу импульс, в котором нуждалась его душа, скованная бытом. Вы же сами говорите, что он рванул дверь! Не открыл, а именно рванул!

«Я точно такое говорила?» – подумала Ирина.

Пока она вспоминала, психологиня продолжала:

– Он хотел впустить волю в ваш узкий мирок, но на пути к экзистенциальной свободе встал метафизический фикус.

– Почему же метафизический? Вполне обычный, широколистный, – тихо вставила Ирина. Психологиня начала ее раздражать.

– Это просто так совпало, что фикус сыграл роль фикуса. Могло быть что угодно. Метафизическим фикусом могла оказаться… ну, например, табуретка.

– Ясно, – сказала Ирина, ища возможность завершить разговор.

– Вам надо встать на путь обновления! Показать мужу, что вы разделяете его порыв.

– Как это?

– Откройте дверь на балкон максимально широко, представьте, что вы распахиваете душу всему новому и светлому, и выбросьте прочь этот фикус!

– Спасибо! Я обязательно так и сделаю.

Ирина деликатно поблагодарила и повесила трубку. Стало ясно, что она выбросила не фикус, а деньги.

Ирина поняла, что при таком низком ценнике наивно ждать реальной помощи. Нужно повышать ставку. И Ирина, скрепя сердце, решила воспользоваться услугами психолога, ценник которого она посчитала средним. Его услуги не грозили разорением, но оставляли в бюджете семьи брешь величиной с новые зимние сапоги. «Ничего, в демисезонных прохожу!» – решила Ирина. Перевела деньги и, упиваясь своей клиентской честностью, позвонила.

Трубку взял мужчина, судя по голосу, молодой.

– Здравствуйте, я звоню по объявлению.

– Я понял.

«Понятливый. Уже хорошо», – заранее обрадовалась Ирина.

– У меня небольшая проблема с мужем…

– Вряд ли небольшая, – перебил мужчина.

– Почему вы так думаете?

– Проблемы с мужем подобны айсбергу. Небольшим он кажется только капитану «Титаника».

– Вы считаете, что мой брак идет ко дну? Как «Титаник»? – Губы у Ирины задрожали.

– Нельзя исключать и такой вариант, – утешил психолог. – Чтоб разобраться в ситуации, нам нужно детально пройти весь ваш путь, с самого детства.

– Но я в детстве не жила с моим мужем.

Психолог снисходительно засмеялся.

– Разумеется, не жили. Но в детстве формируются скры-

тые комплексы, которые преследуют нас всю жизнь.

– Вы не поняли. Я не по поводу своих комплексов звоню. Я по поводу мужа…

– Разумеется, мы говорим о вашем муже. Но разве отношения с ним изолированы от ваших личностных зажимов, от ментальных травм?

– Что вы имеете в виду? – напряглась Ира.

– Я имею в виду секс. Как у вас с ним? Это и есть подводная часть айсберга, острые грани которого буравят днище корабля.

Разговор нравился Ирине все меньше. Хотя надо признать, этот психолог был на голову выше предыдущего варианта. И не случайно он был более дорогим. В его словах просвечивал жизненный опыт, хоть и с порнографическим уклоном. Все-таки секс больше ассоциировался с семейной жизнью, чем фикус. Даже широколистный.

– И что же мне делать? – краснея, спросила Ирина.

– Записаться на мои курсы, посвященные раскрытию сексуальной энергии. Пара вводных лекций будет стоить…

И он назвал сумму, значительно превышающую стоимость зимних сапог.

– К лекциям прилагаются практические занятия. Но это по желанию и совершенно бесплатно, – щедро посулил он.

Ирина, пообещав подумать, нажала «отбой». Сердце стучало, в ушах шумело. Все-таки дорогой специалист не зря брал деньги. После разговора о фикусе такого эффекта не

было.

Вдохновленная наметившейся тенденцией, Ирина решила, что один раз живем, и подняла планку на максимально доступный ей уровень. Она замахнулась на самого дорогого специалиста, найденного ею на просторах Интернета. Разумеется, среди тех, кто работал дистанционно.

Правда, на этот раз ей предложили поговорить по Скайпу. Это почти как телефон, только с изображением. Как было сказано в объявлении, нужен контакт «глаза в глаза».

Ирина подготовилась к сеансу довольно тщательно. Покрасила волосы, подправила брови и купила новую блузку. И во всей этой красоте в назначенное время вошла в систему. Ей казалось, что говорить о семейных проблемах в растрепанном виде не то чтобы неприлично, но как-то несерьезно.

Экран подмигнул деловито и соблазнительно одновременно. Установилось четкое изображение, и Ирина от неожиданности сконфуженно ахнула.

Во весь экран раскинулось тропическое буйство красок. Дело происходило где-то на Бали или в Таиланде. Только там растут такие жизнерадостные стебли, обремененные огромными цветами. На первом плане, под бамбуковым навесом, появилась женщина в купальнике, который был куплен в надежде на похудение.

Ирина почувствовала неуместность своей новой блузки.

– Привет! – сказала женщина, плюхнувшись на стул с бокалом в руке. Судя по объему бокала, это была кола. Судя

по жизнерадостности женщины – коньяк.

– Привет, – поддержала почин Ирина.

– Меня Мариной зовут. Ну че у тебя стряслось?

Ирина сглотнула.

– Да муж… Нет взаимопонимания… Шарф подарила, так он выкинул…

– Стоп! Не гони картину. Че за шарф?

– Нормальный. Стильный даже.

– Так сама бы и носила, раз стильный. Лучше б себе что-нибудь стильное купила.

Ирина обиделась за блузку.

– Например, новые сиськи, – захохотала Марина. – Ладно, шучу. Давай продолжим. На фига мужику шарф?

– У нас холодно бывает, – извиняясь, напомнила Ирина.

– Ты б ему еще теплые носки подарила, раз холодно. Ты че, дура?

Ирина поняла, что вопрос риторический, и проигнорировала его. Психологиня продолжала:

– Нормальный мужик. Естественная реакция – основа нормальной семейной жизни. Считай, что тебе повезло.

У Ирины на душе потеплело.

– Давай дальше. Че еще? Ну что тебя в дискомфорт вводит?

– Ну, он молчит иногда подолгу.

– А тебе болтун нужен?

Градус радости рос. Ирина точно знала, что болтун ей не

нужен.

– Ну, злится иногда, когда спрашиваю о чем-нибудь…

– А тебе больно надо спрашивать? Своих проблем мало? Радуйся, что такой попался. Знаешь, сколько теток плачет, что мужики на них свои проблемы вешают? Да они твоего бы с руками оторвали. Кстати, куда он шарф выбросил?

– В окно, на балкон, если быть точной.

– Слушай, как он с тобой живет? Кому нужна твоя точность? Мужик нормальный! Выкинул без потери стоимости! Сбегала, подобрала, отряхнула, всего и делов-то. У одной моей клиентки муж чуть что, сразу резать ножницами все начинает. Вот где кошмар! Я уже полгода ее лечу.

– Так значит, есть надежда… А я уже думала, что развод…

– Ты че, дура?

Ирина счастливо вздохнула.

– Ладно, у меня время вышло, пойду искупнусь. – Психологиня приподнялась, припав к экрану спелыми грудями.

Ирина благодарно взирала на их мощь. Они были большие и какие-то первозданные, как правда о ее семейном счастье.

Экран мигнул, и изображение тропического рая пропало. Но теперь цветы распустились в душе у Ирины.

«Дура я, что ли?» – оценила она былые семейные несчастья. И мысль о новых сиськах вытеснила воспоминание о шарфе. «Все-таки нельзя экономить на психологах», – сделала Ирина правильный вывод.

В коридоре раздался звук проворачиваемого ключа. Стасик вернулся! И Ирина бодрым шагом пошла встречать свою старую, но такую новую семейную жизнь.

Впустить холод

Марина тяжело зарабатывала на жизнь.

Судьба помотала ее, как щепку в весеннем ручье, а потом, наигравшись, выбросила на берег. Берегом оказался овощной ларек, где приходилось весь день развешивать лук и картошку под пристальным вниманием бдительных покупателей. Их Марина тихо ненавидела. Особенно ее доставали старушки, которые интересовались, хрумкая ли морковка. Так и подмывало спросить: «Ты, бабка, грызть ее, что ли, будешь? Чем?»

Но Марина терпела. Рашид, хозяин лотка, не любил своеволия. Иногда он даже сам вставал за прилавок, чтобы показать Марине мастер-класс культурного обслуживания. Он говорил комплименты покупательницам или овощам – в зависимости от ситуации. Если морковку брала молодая девушка, то он рассыпался в комплиментах по поводу ее красоты, а если в окошко заглядывала зрелая тетя, то Рашид предпочитал хвалить корнеплод. Похоже, он любил и умел торговать.

А Марина не любила. Поэтому торговала сжав зубы, сквозь которые прорывалось только дежурное «Приходите еще». Так велел Рашид.

Даже к баклажанам у Марины было больше любви, чем к покупателям. Овощи хотя бы не задавали глупых вопросов.

– Бананы свежие? Урожай этого года?

«Ты че, дура? Они ж гниют быстрее, чем я старею», – чесалось на языке. Но перед глазами вставал Рашид, и Марина тихо сипела:

– Свежие. Только с пальмы.

В эти секунды перед Марининым взором вставали пальмы – ровные, как березки в русском лесу. И такие же крепкие, как дубы у Лукоморья. Но вонь квашеной капусты не давала полностью уйти в страну грез. Капуста напоминала о родине.

В очередной раз огорченная контрастом, Марина отпустила покупательницу и начала от скуки просматривать телефон. И тут открылось, что она пропустила СМС с незнакомого номера.

Сообщение было таким странным, что Марина прочитала его три раза. Два раза – чтобы понять смысл, третий раз – для закрепления впечатления. А впечатление было самое гадкое: ею хотят воспользоваться. Дело в том, что Марина жила в Москве, и подозревать всех и каждого в том, что они зарятся на ее жилплощадь, стало ее второй натурой.

«Добрый день, дорогая Марина! Надеюсь, у Вас все хорошо. Признаться, мне следовало бы спросить об этом раньше, и вообще чаще интересоваться Вашими делами. Ведь мы приходимся друг другу троюродными сестрами по линии нашего дедушки, проживающего в славные времена в краях дальних, но плодородных. Думаю, что именно с этим обстоятельством связана такая ветвистость нашего семейного

древа. И мы с Вами, Мариночка, как две веточки на нем. Вот подул ветер, и веточки приблизились навстречу друг другу. И только от нас зависит, пересекутся ли они. Одним словом, судьбе угодно, чтобы я оказалась в Москве. Счастливый случай подарил нам одну ночь, чтобы мы утолили жажду в общении. Если Вы этого хотите так же сильно, как и я, напишите мне свой адрес. Ваш телефон мне дала добрейшая тетя Сима, но, к ее величайшему огорчению, адрес она не знает. Надеюсь, что в ближайшие выходные мы сможем обняться как сестры.

Эльвира, троюродная племянница тети Симы».

«А ты не охренела, Эльвира?» – подумала Марина. И ее воображаемая веточка больно хлестнула приблизившийся к ней отросток родового дерева.

Руки чесались набить ответный текст. И Марина обязательно это сделала бы, вложив в него всю силу своей любви к неопознанным родственникам из провинции, но тут по стеклу постучали:

– Капустка как?

Мужчина был изрядно навеселе. Практически пьян.

– В каком смысле как?

– Свежая? – Мужчина икнул.

– Квашеная, – устало пояснила Марина, понимая по состоянию мужчины, что ему надо.

– Одно другому не помеха, – философски заметил покупатель. – Так свежая?

– Я же сказала, квашеная.

Мужчина задумался.

– Видите ли, – сказал он, дыхнув перегаром, – вы сужаете семан… семан… семантический смысл слова «свежая». Квашеная капуста тоже может быть свежей.

И он опять громко икнул.

– Да, я пьян, но с точки зрения субъективного идеализма… – Он замолк, потеряв мысль.

Марина не любила умников. Точнее, она допускала их существование, но в других жизненных мирах. Пусть по телевизору изгаляются, из пустого в порожнее переливают. Но тут ларек. Пространство нормальной жизни. Какого, спрашивается, фига она должна все это выслушивать?

– Так тебе свежая нужна? Щас будет, – сказала Марина и бухнула на весы здоровенный вилок.

Мужчина задохнулся от возмущения, взмахнул рукой и потерял равновесие. Но не упал. Кто-то, стоявший сзади, подхватил его и помог обрести новую точку опоры.

На Маринину беду, этим кем-то оказался Рашид. Он посмотрел на нее, как на просроченный товар с явными признаками гниения. А что делают с таким товаром, Марина знала.

И не ошиблась. Рашид рассчитал ее быстро и без сантиментов.

В один день Марина обрела троюродную сестру и потеряла работу. Баланс был так себе, но все же жизнь обыграла ее

не всухую. И Марина, настроившись на философский лад, решила принять сестру. Эльвира или Элеонора, как там ее. Очень уж захотелось рассказать кому-то про упыря Рашида, про свою незадавшуюся жизнь, которая после трех браков взяла да и оставила ее в недоуменном одиночестве. Причем без детей. То есть без алиментов.

С экрана ее телефона в неведомое пространство полетел ответ: «Если очень хочется, то приезжай. Я не против. Адрес высылаю, только больше никому из родственников не давай».

И вот в назначенный день на пороге ее отдельной жилплощади появилась экзотическая женщина. Эльвира носила шляпку и, чтобы расстегнуть сапоги, приседала, как будто делала реверанс.

Словом, ничто не намекало на то, что она – сестра. Хоть и троюродная. Ведь даже дальние веточки должны иметь один корень, а тут он даже не проглядывал. Марина со свойственной ей прямотой объявила это на второй минуте знакомства.

– Ну, корень-то у нас явно разный. Ты – как орхидея, а я – полынь. Ну, или лебеда.

– Перестань такое произносить вслух, – испуганно заморгала Эльвира. – Там все слышат! – И она закатила глазки наверх. – Это затруднит твое перерождение в новую, желаемую сущность.

Марина тоже посмотрела наверх. Увидела серый потолок, подумала о ремонте, потом о том, что на него нет денег, рас-

строилась и дала слабину:

– Какое перерождение? Ты о чем бредишь?

– Каждый человек может стать тем, кем он себя видит. Надо только получше визуализировать желаемый образ и аккуратно двигаться ему навстречу.

Марина поняла, что обрекла себя на соседство с шизофреничкой, но та уже переступила порог. Прогонять было поздно. Где-то в их корнях, согласно семейным поверьям, затесался грузин, и теперь на генном уровне закон гостеприимства прочно держал Марину за горло.

Пришлось кормить гостью, стелить чистую постель, выдавать ей новое полотенце. Эльвира попискивала «Как ты добра!», высокопарно и старомодно выражая свою благодарность. Обращаться на «вы» Марина запретила в довольно категоричной форме.

По ходу дела Марина немного привыкла к экзальтированной манере сестры. Даже слегка расположилась к ней и широким жестом предложила принять душ. Когда Эльвира покинула ванну, Марина, не особо скрывая намерений, тут же пошла проверить, не набрызгала ли гостья.

И вот тут-то жгучий интерес к Эльвире накрыл Марину с ног до головы. У интереса был стойкий вкус зависти с примесью возмущения. На стиральной машинке была разложена косметика Эльвиры. «Твою мать!» – выдохнула хозяйка.

Это была косметика экстра-класса. Дорогая, очень дорогая. Марина знала в этом толк, ведь она не всегда сидела в

овощном ларьке. Когда-то она стояла посреди косметического рая в гордой роли продавца-консультанта. Такую косметику покупали только холеные женщины, в которых были вкачаны такие технологии, что даже вазелин не испортил бы их кожу. Однако они покупали только самое лучшее, самое дорогое. И весь этот ассортимент сейчас скромно лежал на Марининой стиралке.

Выйдя из ванной, Марина внимательно оглядела троюродную сестру. Осмотр не дал ничего нового. Скромная внешность, припудренная легкой придурковатостью.

– У тебя кто муж? – напрямки спросила Марина.

– Я не замужем. А ты?

– Я тоже, – отмахнулась Марина. Сейчас был тот редкий случай, когда собственная персона ее мало интересовала. – А тогда кто твой любовник?

– Мариночка, мне кажется, ты вторгаешься в интимную сферу. Я бы не хотела облекать в слова то, на что только намекает судьба… Все пока так зыбко, так неопределенно…

– Ты че, дура? – ободрила ее Марина. – Такие подарки неопределенные мужики не дарят.

– Что ты имеешь в виду?

– Косметику я имею в виду. Это же стоит, как крыло самолета.

– Ах, это, – разочарованно вздохнула Эльвира. – Косметику я сама себе покупаю. Мой мужчина пока не перешел ту тонкую грань…

– Сама? – перебила Марина. В кои-то веки ей было неинтересно обсуждать мужчину.

– Да, сама. Знаешь, в этом, конечно, есть что-то неправильное. Такие покупки замыкают контур нашей самодостаточности, и тем самым мы усложняем путь тех, кто спешит к нам, чтобы прорвать этот контур.

– Стоп! К черту твой контур! Давай по порядку: ты вообще кем работаешь?

– Я консультант по душевным травмам. Мне не очень нравится, когда меня называют психологом, это слишком консервативное и неточное название.

– Мозгоправ, что ли? – выдала Марина свою версию, по ее мнению, менее консервативную и более точную.

– Ну… типа того. – Эльвира улыбнулась.

Марина слегка расстроилась. На эту телегу ей было не заскочить. Тут нужно особое образование. Его за чашкой чая, как грипп, не подхватить.

– Долго училась? – мрачно спросила она.

– Долго! Сначала в институте, потом в аспирантуре, написала диссертацию, даже защитилась. А потом подумала: «Кому нужна моя литературная критика? Я всегда буду вторична, всегда в тени великих имен».

– Стоп! Что-то я нить потеряла. При чем здесь литературная критика?

– Так я же литературовед по образованию.

– Не поняла. Как твои Пушкины с психами связаны? –

широко поставила вопрос Марина.

– Никак не связаны. Просто мне показалось, что ты спросила меня про мой образовательный бэкграунд. Я же потом переквалифицировалась в психолога. Стала помогать людям решать их личностные проблемы…

– Так ты на ходу переобулась? – восхитилась Марина.

– Видишь ли, литературные герои переживают те же кризисные состояния, что и обычные люди. Более того, рука классика придает этим страданиям формат завершенности, как бы отделяя их от рутины. В обычной жизни множество мелких бытовых проблем застят нам глаза, и очень трудно определить истинные причины душевных мук. А в литературе все выпуклее, явственнее. И вместе с тем, все типы, что встречаются в жизни, с абсолютной достоверностью запечатлены в классической литературе. Нужно лишь определить, кто из моих клиентов Онегин, кто Печорин, а кто и Хлестаков. Поверь, они довольно часто встречаются среди современных мужчин. Мой авторский метод решения личностных проблем основан на литературных аналогиях…

Марина не очень увлекалась литературой и об Онегине думать ей вовсе не хотелось. Зато ей было интересно другое:

– Стоп! Так у вас там что? Даже диплом не спрашивают?

– Что значит спрашивают? Отношения с клиентом строятся на доверии. Это же не капустой в овощном ларьке торговать, – сказала Эльвира, даже не догадываясь, насколько доходчиво она все объяснила.

При упоминании ларька Марина немного дернулась, но быстро вернулась в состояние повышенной любознательности.

– Совсем-совсем не проверяют?

– Разумеется, я потом много ездила на разные тренинги, обучалась на интенсивных семинарах…

– Дорого стоит?

– Что?

– Пройти такой семинар. Ну, сколько стоит получить такую бумажку, чтобы, если что, показать можно было?

– Цены очень различаются. Все зависит от личности мастера, чей опыт стараются перенять. Есть откровенно дешевые варианты, но мне кажется, что это профанация…

– Понятно, – прервала ее Марина. – И что? С твоих консультаций можно такую косметику покупать?

– Видишь ли, Мариночка, я давно практикую, у меня обширная клиентура…

– Значит, можно, – смекнула Марина.

В голове что-то шумело, откуда-то изнутри поднимался ропот протеста против овощного ларька, копеечного крема и по акции купленной губной помады. Марина решила взять паузу для того, чтобы обдумать услышанное.

– Ладно, давай спать.

Она уже хотела уйти в свою комнату, оставив гостью на тахте в гостиной, как та попросила:

– Если ты не против, я впущу холод.

Марина запнулась на пороге:

– Что сделаешь?

– Холод впущу. Форточку открою, если это не нарушит твои представления о комфорте.

Не часто кому-то удавалось довести Марину до растерянности. Она изумленно смотрела на сестру. И та решила, что от нее требуют пояснений:

– Видишь ли, от наших установок зависит все, включая работу нашего организма. Ты не задумывалась, почему осенью люди часто болеют?

– Потому что погода портится, слякоть, дожди разные.

– Если бы все было так просто, – покровительственно вздохнула Эльвира. В ней даже почудилась усталость от объяснения азбучных истин. – Дело в том, что после солнечного лета мы не хотим принять эту слякоть, внутренне сопротивляемся ей. И от этой борьбы организм слабеет, теряет силы. Мы заболеваем от собственного неумения принять осеннюю слякоть, впустить в себя новое состояние природы.

Эльвира победно посмотрела на сестру и закончила примером из собственной жизни:

– Я всегда сплю с открытой форточкой, чтобы впустить холод. Очень важно слиться с состоянием природы, гармонизироваться с ней. Холод не нужно прогонять, наоборот, нужно открыться ему, принять его право на господство в твоей спальне.

Марина ошарашенно молчала.

– Еще очень помогают холодные обливания ног, – уже более буднично завершила сестра.

– Так это же всегда называлось закаливанием, – подозрительно сказала Марина.

– Это закаливание в другой картине мира. Закаливание – это язык медсестры из районной поликлиники. А мои клиенты ценят возможность слиться с холодной водой, почувствовать, как их внутренний мир распахивается перед внешним…

У Марины было лицо человека, который открыл для себя новую реальность. Очень внимательное лицо.

Тепло попрощавшись, сестры расстались на ночь.

Эльвира всю ночь впускала холод, отчего Марине пришлось достать с антресоли еще одно одеяло. Но утром они проснулись бодрые и заряженные на дальнейшее общение. Однако времени оставалось мало, через пару часов за Эльвирой должно было приехать такси.

У Марины оставался только один вопрос:

– Так если у тебя деньги есть, зачем ты меня разыскала? В гостинице могла переночевать.

– Я хотела познакомиться с тобой. Мне тетя Сима про тебя много рассказывала.

– Да ладно тебе… – Марине было приятно.

– У меня не очень хорошо получается противостоять негативной энергии. А тетя Сима говорила, что ты можешь одним словом отключить от своего эмоционального потока

ненужного тебе человека.

– Это я могу, – подтвердила Марина.

– Да-да, – восторженно закивала сестра. – Ты очень убедительна во всех своих проявлениях, ты буквально всего можешь добиться. Вот чего ты хочешь?

Марина на секунду задумалась. Ровные ряды тропических березок с огромными, как опахала, листьями встали перед ее затуманенным взором.

– Жить под пальмами, – созналась она.

– А кто тебе мешает?

Вопрос поставил Марину в тупик. И действительно, даже Рашид больше не помеха. Никто ее здесь не держит.

Она так сильно задумалась, что довольно рассеянно и небрежно проводила сестру, поспешно закрыла за ней дверь и, вернувшись в комнату, сказала:

– А не впустить ли мне свет?

С этими словами она раздвинула шторы, и яркий солнечный свет залил комнату. Но теперь Марина точно знала, что этого света ей мало. Она больше не будет довольствоваться малым – овощным ларьком, дешевой косметикой, редкими солнечными днями. Ей нужны пальмы, свет и деньги.

А главное, у нее все для этого есть – убедительность и трезвый взгляд на мир. Уж если чудачка Эльвира учит «впускать холод» за деньги, то она, Марина, с ее-то жизненным опытом, будет на этом рынке на вес золота. «Все-таки три ходки замуж не у каждого мозгоправа в загашнике есть», –

прикинула она свои шансы на успех.

Ночью Марина впустила в свою комнату холод. Она хотела попрощаться с ним перед отъездом. Пальмы ждали ее в прекрасном и недалеком будущем.

Коню понятно

Павел Петрович был философом. Это началось еще в детстве. Когда другие дети плачем вымогали мороженое, маленький Паша погружался в задумчивость по поводу несовершенства бытия. Он не роптал, он размышлял о несправедливости бренного мира, как бы примериваясь к нему. Родителей это пугало, и они покупали мороженое.

С годами философский настрой только усилился. Некоторым это нравилось. Его задумчивый взгляд очаровал сурового профессора, и Паша получил на вступительных экзаменах высшую оценку, открывающую дорогу на философский факультет. Так природная склонность переросла в профессию.

Паша обожал Платона и Сократа, Спинозу и даже Ницше. Чтобы любить, не обязательно разделять взгляды. Он испытывал тонкие и радостные душевные вибрации, разрывая лепнину слов, в которые, как в пьедестал, были вмурованы эти славные мужи. Прорваться от слов к понимаю, к почти интимному сближению с мыслями великих людей доставляло Паше огромное удовольствие.

Но после окончания университета, увы, нужно было спускаться на грешную землю. Искать работу. И тут выяснилось, что времена изменились.

В СССР философы были люди если не богатые, то зажиточные. Им доверяли нести знамя марксизма, по дороге со-

общая всем и каждому о сравнительных преимуществах социализма. Паша этот период просидел за партой. Он только примерялся к званию знаменосца, заранее кривясь и печалясь. Но тут ему подфартило. СССР не стало, знамя марксизма выкинули на свалку истории. И никому не сказали, где эта свалка находится, чтобы не было соблазнов что-то вынести оттуда себе на память.

Паша сначала обрадовался. Он как раз закончил университет и вступал в жизнь под хмельком великих идей. Но тут, увы, обнаружилось, что в новой стране философы не нужны. Однако они не знамя, их на свалку истории не выбросить. К тому же там уже не оставалось свободного места. Поэтому философов разобрали по разным учебным заведениям, чтобы они за скромную зарплату сеяли разумное-доброе-вечное на совершенно неплодородной почве.

Паша заходил в учебную аудиторию, обреченно сеял семена знаний и почти физически слышал, как звонко они отлетают от голов студентов.

И тут ему повезло. Гуляя по набережной и философски наблюдая за игрой облаков, Паша столкнулся с женщиной. Столкновение было не сильным, женщина устояла на ногах, но не смолчала:

– Глаза дома забыл?

Паша стал размышлять о том, в какой философской системе эта фраза из фразеологизма становится содержательным высказыванием. В эти секунды женщина усердно огля-

дела его и обрадовалась:

– Паша! Ну ты в своем репертуаре! Все в облаках витаешь?

Паша опустил глаза с небес до уровня ее лица. Сквозь ретушь времен на него смотрела Вера, однокурсница и одногруппница по философской альма-матер.

– Вера! А ты что тут делаешь? – задал он странный вопрос.

– Гуляю, – дала она нормальный ответ.

– Одна? – зачем-то спросил он.

– Нет, уже с тобой, – засмеялась Вера.

Вариантов не было. Дальше пришлось идти вместе. Паша твердо решил сбежать, как только набережная закончится. Его манили собственные мысли, а Вера распугивала их своей болтовней.

– Ты как? Где?

– Студентов учу.

– Чему?

– Философии.

– А оно им надо?

Паша стал подбирать слова, чтобы максимально лаконично донести мысль, что субъективно трудно оценить объективные потребности. И вообще, потребности по-разному трактуются в разных философских системах.

Но Вера ответила сама:

– Вот! То-то! Им это и даром не нужно! Паша! Ты же ум-

ница! Почти гений! Ты же у нас на курсе один эту хрень понимал.

– Ну не один… – промямлил Паша, с удивлением открывая для себя приятность лести.

– А я думала, ты скажешь, что философия – не хрень!

– Не хрень, – исправился Паша.

– А если не хрень, то давай я тебя в институт устрою, в академию наук.

– Там ставок нет, я уже пытался, – признался Паша.

– Конечно, с улицы туда не зайти. Но у меня там знакомый на хорошей должности… Короче, решено! Хватит студентов мучить. Давай лучше науку делать! – объявила Вера план действий.

И этот план Паше понравился. Он кивнул. Ему и самому порядком надоела студенческая аудитория, где даже Сократ не смог бы оторвать молодых людей от девайсов.

Они как раз подошли к концу набережной, пора было расставаться. Вера записала его телефон и повернула назад. Тут только Паша заметил, что у нее все еще хорошая фигура.

Паша шел домой, пытаясь думать про облака. Но мысли возвращались к Вере. Точнее, к вопросу: «Позвонит?»

Она позвонила через два дня. Ровно столько времени понадобилось Вере, чтобы найти Паше место в академии наук.

Сообщив, какие документы нужны, к кому и в какой кабинет обращаться, Вера проверила:

– Тебе все понятно? Вопросы есть?

– Есть, – сознался Паша. – Ты замужем?

– А тебе зачем? – неподдельно удивилась Вера.

– Для полноты картины, – честно ответил Паша.

– Ну, для полноты отвечу: да. Мой муж – начальник департамента в Министерстве науки и высшего образования. А ты думаешь, как я тебя устроила? Давай! Жми на газ! Пока.

И она повесила трубку.

Почему-то Паше стало неприятно. Он попытался разобраться, что именно задело его. Замужество Веры? Ответственный пост мужа? Но она не обязана выходить замуж за дворника.

Паша укорил себя за мещанские мысли и начал готовить папку с документами, куда заботливо вложил свои немногочисленные научные статьи. Научные тексты были его гордостью, свидетельством его полноценности и даже в чем-то привилегированности.

В назначенный день он переступил порог института. Лабиринт кабинетов, которые он должен был пройти, напоминал ему конвейерную ленту, по которой он плыл как полуфабрикат какого-то изделия. В конце пути его поздравили с должностью старшего научного сотрудника и попросили зайти к заместителю директора по научной работе. Для личного знакомства.

И он поплелся, подгоняя себя внутренними пинками.

Ему очень хотелось, чтобы заместитель директора оказался занят. Но тот так обрадовался Паше, словно других важ-

ных дел у него не было.

– А! Вот вы какой! Звонили! – И он ткнул пальцем наверх. – Всегда рады помочь, пойти навстречу, так сказать. Ну что ж? Будем работать вместе? В одном, так сказать, коллективе? – радостно спросил он.

– В одном, – уныло подтвердил Паша.

– Меня Вячеславом Всеволодовичем зовут, – протянул руку начальник.

«Как много букв!» – почему-то подумал Паша. Он придирался, потому что замдиректора ему не понравился.

– Павел Петрович, – представился он.

Мужчины пожали руки.

Паша решил, что можно уходить. Он ошибался. Все только начиналось.

– Присаживайся! – властно сказал шеф. – Ничего, что я на «ты»?

Паша предпочел бы остаться на «вы». Но пока он подбирал слова, чтобы не резко, но однозначно дать это понять, все было решено.

– Так же проще работать! Это же коню понятно! – жизнерадостно завершил начальник. – Только ты ко мне на «вы» обращайся, типа субординации. Мне-то все равно, но положение обязывает. – Он зачем-то подмигнул.

У Паши зачесалось во многих местах сразу.

– А вы тоже философский факультет заканчивали? – спросил он.

– Нет, я другой, – ответил Вячеслав Всеволодович и, чтобы закончить с расспросами, пояснил: – Совсем другой.

После этого еще минут сорок он рассказывал Паше о задачах, стоящих перед их институтом. Задачи были весьма конкретные. Паша понял, что философия в этом кабинете понимается как набор показателей по количеству опубликованных статей. Понял и тут же забыл.

Началась новая жизнь. Паша просыпался счастливый и бежал на свидание с книгами. Такая деятельность давала возможность отстраниться от современности, которая шумела и давила на нервы. И только в тиши библиотеки Паша отдыхал и благодарил Бога за то, что такой отдых в его случае называется работой, за которую ему платят зарплату. Скромную, но достаточную, если смотреть на жизнь философски. А по-другому он и не умел.

Через пару месяцев ему передали просьбу Вячеслава Всеволодовича, чтобы Паша зашел к нему в кабинет. И Паша понуро поплелся к шефу.

– Приветствую! – обрадовался тот, как родному.

Паша не ощутил в душе ответной радости. Наоборот, тоску и тревогу. Предчувствие его не обмануло.

– Паша! Меня, конечно, предупреждали, что ты умный и все такое. Но это тебя не оправдывает. У нас же учреждение. Коню понятно, что тут есть система отчетности. Где твои статьи?

– Я работаю… Вчерне готова статья о Шпенглере.

– Вчерне? Одна статья? – возмущенно изумился шеф.

– Одна, – мужественно подтвердил Паша.

Повисла пауза. Вячеслав Всеволодович вставлял эту цифру в свои расклады.

– Кто такой Шпенглер? – сдался он.

– Автор «Заката Европы», – в свою очередь изумился Паша.

– Так коню понятно, что Европа закатывается. Мигранты свое дело сделают, укатают Европу.

– Шпенглер писал свою книгу в начале прошлого века, предупреждал о двух революциях, белой и цветной, грозящих Европе закатом. Цветная – это мигранты, а белая революция – это идеи либерализма, уничтожающие традиционные иерархические структуры, свойственные сословному обществу, – пустился Паша в объяснения.

– Так, – соображал замдиректора, – значит, мигранты и либерализм. Ага! Сейчас это актуально. Тогда ты про мигрантов осторожнее пиши, чтобы все было политкорректно…

– Так Шпенглер…

– Кто отвечать будет? Шпенглер? Про мигрантов, я сказал, аккуратно, а вот про либерализм можешь со всей большевистской прямотой рубануть. Сейчас либералов только ленивый не пинает. Короче, работай, но быстро. Учти, не будет Шпенглера, не будет премии.

Паша изумился тонкой связи немецкого философа и рос-

сийской премии.

Но статью сделал.

Однако страна ставила перед наукой все более изысканные требования. На самом верху решили, что настоящая наука – это то, что напечатано на английском языке в иностранном журнале. Отечественные философы опечалились. Это математику можно изложить на посредственном английском, и все поймут, потому что «иксы» и «игреки» интернациональны. А философия живет в точном словоупотреблении. Тут и на русском языке смысл ускользает, а поди изложи на английском.

На решение этой сложной задачи руководство института отрядило Вячеслава Всеволодовича. У него не было философского образования, то есть ничто не мешало ему двигать науку вперед.

Он собрал коллектив и яростно начал:

– Наша задача – стать частью мировой науки, а со временем и ее авангардом. И мы решим эту задачу.

В полной тишине он окинул взглядом воинство очкариков и сколиозников, преимущественно немолодых людей, и повторил:

– Мы решим эту задачу. С вами или без вас.

Это было самое краткое собрание в истории института. Прения были излишни.

Паша начал корпеть над английским. В принципе, язык он знал неплохо. Но все равно написание статьи потребова-

ло от него погружения и собранности. В этом состоянии он пропустил то, что делалось в институте.

Но институт напомнил о себе. Его вновь вызвал Вячеслав Всеволодович.

– Паша, меня беспокоят твои темпы.

– Темпы чего?

– Интеграции с мировой наукой, – на полном серьезе ответил шеф.

– Я почти закончил статью. Осталось только привести формат в соответствие с требованиями журнала.

– Какого?

– Очень хороший американский журнал, один их ведущих в своей области…

– Паша, ты в своем уме?

– А что не так? – Паша покраснел. Он почувствовал себя учеником в кабинете завуча.

– Коню понятно, что тебя там отфутболят. Они русских авторов не печатают в контексте глобальной политики…

– Наука – вне политики, – робко возразил Паша.

– Кто тебе такое сказал? Ну где у вас, философов, практический интеллект? Ты понимаешь, что это провал! Твои коллеги уже по нескольку статей сделали.

– Как? – изумился Паша. Он точно знал, что в коллективе его считают самым умным.

– А так! Вот отчетность по вашему отделу, – шеф ткнул в какие-то бумаги. – Философ Пустодыхлов сделал аж три

статьи. А Бронебойнов пять! Вот им отечественная философия скажет спасибо!

Паша почувствовал в груди толчки зависти.

– В каких журналах это опубликовано? – тихо спросил он.

– Как в каких? В иностранных!

– В каких иностранных?

– Ну… – Шеф поднял листок с отчетностью и начал перечислять: – «Философский вестник Монтенегро», «Бременские философы»…

– Это же фуфло, – облегченно вздохнул Паша. – Это же мусорные журналы.

– Мусорными они станут, когда соответствующая вводная поступит. А пока они считаются нормальными. И премию свою коллеги заслужили. Чего нельзя сказать о тебе.

– Так вам любой журнал подходит, хоть самый низкопробный? – уточнил Паша.

– Коню понятно! – жизнерадостно ответил шеф.

И Паша напечатал свою статью в «Философском вестнике Монтенегро».

Но пока статья выходила, наверху, разобравшись в ситуации, внесли коррективы. И призвали ученых печататься только в хороших журналах, даже в самых лучших. «Философский вестник Монтенегро» попал в список «мусорных» журналов, и Пашин труд пропал. Премию он не получил.

На общем собрании коллектива Вячеслав Всеволодович с верой в глазах призвал всех поднажать с интеграцией. Он

скаламбурил, что великие традиции русской философии выше гор Монтенегро. Все согласились. Люди были сплошь образованные и знали, что Монтенегро – это простая Черногория. Горы там, может, и не высокие, зато море чистое. И чтобы там загорать и купаться, нужно не спорить с начальством, а во всем соглашаться.

Паша тоже согласился. Тем более что изначально был заряжен на настоящие журналы.

Новый шедевр рождался в муках. Паша сидел над статьей днями и ночами. И даже тайком надеялся, что его вызовет Вячеслав Всеволодович, придаст ему ускорение, и все закончится блестящей публикацией и солидной премией.

Мечта сбылась только наполовину. Вячеслав Всеволодович действительно вызвал его.

– Паша, дорогой! – Он был полон сил.

Паша вдруг подумал, что жена Вячеслава Всеволодовича наверняка устает от фонтанирующего жизнелюбия мужа.

– Как у тебя дела? Опять ты мне отчетность портишь? Вот Пустодыхлов две статьи нам принес, а Бронебойнов три. Пять! Понимаешь, пять очков, то есть статей, в нашу копилку! Журналы из международных баз! А ты что? Опять нолик?

– Я работаю… – Паша был сломлен такими известиями.

– Коню понятно, что работаешь, – с нотками сочувствия сказал шеф. – Но понимаешь, тут работать мало, тут думать надо.

– Как это? – растерялся Паша.

– Ну, более широко думать. Мыслить.

Паша ответил затянувшимся молчанием. Подозрение в том, что он не умеет мыслить, задело его за живое. Философское самолюбие было уязвлено.

– Ты бы поговорил с Пустодыхловым и Бронебойновым, – как-то туманно предложил шеф.

– О чем? Они же на античной философии специализируются. Это не моя тема.

– Тема у нас всех сейчас одна – интеграция в мировую науку, – властно закончил разговор шеф.

В институтском буфете Паша взял сосиски с отварными рожками и решительно подсел к жующим передовикам научного фронта. Он не любил сосиски. Но раз уж такой день, то он решил черпать страдания полной ложкой.

Пустодыхлов ел с аппетитом, а Бронебойнов ковырялся вилкой в тарелке. «Оказывается, они чем-то различаются», – отметил Паша.

Он не знал, с чего начать. Но коллеги начали сами. Видимо, у них было партийное задание от начальства развеять научный романтизм Паши. Пригнув головы, как заговорщики, они спросили:

– Третьим будешь?

Паша знал этот позывной по советским фильмам. Конченые алкаши, вместо того чтобы строить коммунизм, раскидывали траты на бутылку на троих. Ведь еще древние греки

знали, что компания из трех человек самая гармоничная.

Паша очень удивился. Он не знал, что Пустодыхлов и Бронебойнов – тайные алкоголики. И потом, зачем им третий? За свои статьи они получают премии, на которые можно упиться в гордом одиночестве.

– Не понял, – честно сознался Паша.

И ему объяснили, что спрос рождает предложение. Если ученые формируют спрос на публикации в зарубежных журналах, то обязательно родится предложение таких услуг.

– Опять не понял, – продолжал тупить Паша.

Коллеги, не поднимая голов, перешли на шепот. Паше пришлось прислушиваться. В страшном напряжении слуха и мозгов он открывал для себя новый мир. Это был дивный и бесстыдный мир.

Оказывается, пока он сидел в библиотеке, возник бойкий бизнес по торговле статьями. Например, кто-то написал хорошую статью. И ее даже приняли в хороший журнал. И что? Минута славы? А ведь хочется получить кроме славы еще и деньги. Ну, положим, работает ученый в нищем институте и за статью ему заплатят рубль. Тогда автор шедевра за солидные деньги приписывает к своей фамилии нескольких соавторов. Кому-то эта статья нужна, чтобы не уволили по причине научного бесплодия, кому-то хочется потешить тщеславие… Причины у людей разные, а смысл один. Статьи продаются, как капуста в ларьке.

Паша обалдел. Почему-то ему захотелось выпить и заку-

сить квашеной капустой. Очень захотелось. Но он еще не доел сосиски. И не дослушал коллег.

– Вот мы и прикинули. Мы сейчас себе статью покупаем, можем и тебя туда вписать. Через премию ты свои деньги полюбому вернешь, – пообещал Пустодыхлов.

– Еще и с наваром, – уточнил Бронебойнов.

Паша понял, что в этом месте он должен поблагодарить коллег за откровенность и щедрое предложение. Но не хотелось. Он молча жевал сосиску.

– Ну ты думай. Только быстро. Там сейчас статья по Бердяеву торгуется. Какой-то умник из Мухосранска написал, а у них контора нищая, ему за это только «спасибо» скажут, – сказал Пустодыхлов.

– Хорошо, что мы – авангардный институт. У нас на прорыв в мировую науку выделены серьезные финансы, – гордо пояснил Бронебойнов.

Паша мечтал о водке. Он страстно желал выпить. Образ квашеной капусты неотвязно преследовал его.

Он молча встал, отнес свою тарелку с недоеденными рожками на мойку и направился к выходу. Коллеги проводили его недоуменным взглядом. Вопрос «Третьим будешь?» оставался открытым.

В институтском коридоре Паше повстречался Вячеслав Всеволодович, подтянутый и устремленный в будущее. Он двигался в сторону буфета. Паша отвел глаза. Ему было неловко и неприятно смотреть на шефа. Старший научный

сотрудник прошмыгнул, пригнув голову.

Паша вспомнил, как в детстве ездил в деревню к бабушке. Там один мальчик объелся незрелых слив и обкакался, не добежав до кустиков. Паша долго потом не мог встречаться с ним глазами. Маленького Пашу мучил философский вопрос: почему обкакался мальчик, а неловко Паше? Сейчас почему-то вспомнилось.

Паша, не дожидаясь конца рабочего дня, вышел из здания института. Постоял на крыльце, закрыв глаза и подставляя лицо ветру, и решительно двинулся прочь.

Коллеги подумали, что он пошел в библиотеку.

По дороге домой Паша зашел в магазин и купил водку. Квашеную капусту там не продавали, и он приобрел какие-то рыбные консервы.

Он пил сосредоточенно и мужественно, как будто провожал науку в последний путь. Так большевики хоронили товарищей в советских фильмах. Потом размяк, начал плакать, некрасиво растирая слезы и бормоча что-то про невинность науки, над которой надругались. Потом успокоился и пил уже без особого чувства, просто прижигая горло водочным огнем.

Он стремительно тупел. Но какая-то мысль пробивалась сквозь алкогольный туман. Стучала в висок, требовала, чтобы о ней вспомнили.

«Капуста!» – обрадовался Паша. Сейчас это казалось самым важным. Паша решил добыть квашеную капусту во что

бы то ни стало.

Он плохо помнил, что было дальше. Всплывали только разрозненные фрагменты, бессмысленные и грубые, с провалами смыслов и множеством ненужных деталей. Как будто пленка порвалась, и кто-то склеил ее из того, что было. Киоск с бананами, подвешенными как украшения. Хамоватое женское лицо в рамочке ларечного окошка. Потом женщину грубо вытеснил вилок капусты. При чем здесь вилок? Дальше следовал позорный кадр, как Паша повис на руках мужчины нерусской наружности. И вот уже мужчина стоит рядом, а Паша сидит на лавочке.

– Рашид не пить. Рашид Аллаха помнить. Зачем русский так пить?

– Я не русский… Я философ…

– Философ тоже может быть русский.

– Коню понятно, – ответил Паша.

И начал смеяться.

– Коню понятно, – повторял он и смеялся все громче и ожесточеннее. – Коню понятно!

Он смеялся и вытирал пьяные слезы, которые смешивались с обычными, человеческими. Но кто их разберет. На слезах не написано.

Потом кадры обрываются. Наступает забытье.

Цветы для мертвой царевны

У Вячеслава Всеволодовича было долгое имя, из многих букв. Поэтому сослуживцы называли его просто ВВ и расшифровывали как Великий Водила. Что-то вроде Великого Кормчего, только труба пониже и дым пожиже.

Он знал об этом, но не придавал значения. Он вообще не придавал значения людям, занимающим какие-то позиции под его руководством. Главное – это штатное расписание, а не его наполнение. Вячеслав Всеволодович представлял себе институт как набор ящичков, которые должны составлять гармоничную конструкцию, быть удобными для пользования. Всегда под рукой, выдвигаются без скрипа и задвигаются без проблем. А уж какими людьми наполнить эти ячейки – вопрос второй. Нет, даже не второй. Последний.

Нельзя упрекнуть Вячеслава Всеволодовича в том, что он не любил коллег. Он был к ним равнодушен. Они существовали в его картине мира только как наполнение штатного расписания и исчезали с его радаров после окончания рабочего дня.

Вячеслав Всеволодович давно понял, что любого можно заменить. Была бы должность, а человек найдется. С этим убеждением руководить людьми легко и приятно. Но в одно прекрасное утро его пронзила мысль: так ведь и его могут заменить. И тогда он стал зубами держаться за табличку на

двери своего кабинета.

Однако сжатые челюсти ныли и просили передышки. Для этого существовал дом. По сути, это был еще один функциональный ящик, который в его картине мира предназначался для того, чтобы нырнуть туда и расслабиться. Дать покой челюстям.

Это нормально. Балерина приходит домой и вытягивает ноги в блаженном покое. Грузчик приваливается спиной к дивану. А Вячеслав Всеволодович дома ослаблял хватку, превращаясь из Великого Водилы в простого Славу.

Жена, Наталья, понимала отведенную ей роль. Она должна была обеспечить условия для полноценного отдыха идущего в гору мужа.

Много лет назад, когда молодой Слава только начал пробовать на зуб разные руководящие должности, случился неприятный эпизод. Наташа заболталась с подружкой по телефону и не приготовила ужин. Слава пришел и неприятно удивился:

– Почему нет ужина?

– Не успела. Светка звонила, у нее кот весь диван подрал, вот ужас-то.

Слава задумался. В ящичке под названием «дом» был непорядок, перекос.

– Ты хочешь сказать, что у меня нет ужина из-за драного кота?

– Кот не драный. Он диван дерет. Это не одно и то же.

– Коню понятно. Но как мой ужин связан с драным диваном?

– Никак, – растерялась жена.

– Вот и мне кажется, что никак.

Слава, насупившись, вышел из кухни.

Наташа думала, что это всего лишь маленькая размолвка, и завтра все будет по-прежнему.

Но на следующий день в доме появилась женщина, которую нанял Слава. В ее обязанности входило приготовление ужина. Жена сначала даже обрадовалась. Она решила передохнуть, пока муж устраивает демарш.

По-настоящему Наташа испугалась, когда поняла, что муж ничего не демонстрирует, не пытается ей что-то доказать. Он просто так живет. Есть функция – приготовление ужина, и если один человек с ней не справляется, то на его место ставят другого. И если в доме будет грязный пол, то муж наймет поломойку.

Наташа быстро прокрутила картину дальше. За поломойкой может прийти прачка, потом белошвейка… А если Наташа не справится со своей функцией в постели? Любовница исправит ее недоработку.

Но Наташа привыкла быть женой Славы. И отвыкать не хотела.

Поразмыслив, она взнуздала себя, обеспечив идеальный порядок в доме. В честной конкурентной борьбе кухарка проиграла. И даже рождение дочки не смогло нарушить об-

разцовый быт в их семье.

Так ровно и организованно, словно солдаты в строю, шли годы. Сорокалетний рубеж Вячеслав Всеволодович миновал, не обременяя себя кризисом среднего возраста. Он играл в теннис и правильно питался. Таким людям не страшны философские заморочки. Вот если бы Достоевский играл в теннис, а Гоголь бегал трусцой, то и читать их было бы приятнее. Так утверждал Слава.

Наташа же к сорокалетию подкачала. Нет, не постарела, а как-то пожухла. Вячеслав Всеволодович опытным глазом руководителя стал замечать, что Наташа сильно изменилась. Усталость стала ее фоновым состоянием. Даже если она чему-то радовалась или на что-то обижалась, то чувства проступали редкими яркими мазками поверх серой усталости, прочно засевшей в ее глазах и плотно сжатых губах. Казалось, что к вечеру она устает жить, а с утра просыпается лишь потому, что устает спать.

Вячеслав Всеволодович стал размышлять на эту тему. Как эффективный менеджер, он провел ревизию ее служебных обязанностей и пришел к выводу, что о трудовой перегрузке не может быть и речи. Другие женщины разрываются между домом и работой, и ничего, цветут назло всем. Наташа же отвечала только за дом, другой работы у нее не было. Это был ее офис, ее фабрика, ее доменная печь. Вячеслав Всеволодович решил, что это посильная задача.

Кроме того, муж весь день проводил на работе, значит,

своим присутствием не создавал дополнительной нагрузки – не мусорил, не просил есть, не грязнил унитаз. Денег приносил много, что, коню понятно, должно поднимать настроение жены. Дочка подросла, убегает в институт рано утром, а домой приходит под разными предлогами как можно позже. Так с чего уставать?

В таких обстоятельствах любая другая женщина расцветет, как майская роза. Наташа напоминала розу, которую подморозили при транспортировке и со скидкой спешно продали непритязательному покупателю. Вячеславу Всеволодовичу было неприятно осознавать, что он владеет уцененной розой.

Он молчал, награждая себя воображаемыми медалями за терпение. Но ситуация не разрешалась, переходя в хроническую. Подмороженная роза не радовала глаз. И тогда муж понял, что ящичек с надписью «дом» нуждается в ремонте. Его заклинило и перекосило. Без вмешательства тут не обойтись.

Но ремонтировать должны специально обученные люди. Он не владеет этим ремеслом. Вячеслав Всеволодович решил обратиться к помощи психолога.

Чтобы не дать повода для слухов, он решил искать психолога с помощью Интернета. И обязательно вне столицы. Не хватало еще случайно на улице встретиться. Нет, непременно из глубинки, чтобы решить проблему – и концы в воду.

Покопавшись в объявлениях, Вячеслав Всеволодович нацелился на некую Эльвиру. Его подкупило то, что специали-

стов много, а эта – своего рода уникум, как-то хитро трактует житейские проблемы с опорой на литературу. Авторский метод, можно сказать. Ну и берет соответственно, не каждый такой ценник осилит.

Вячеславу Всеволодовичу это понравилось. Все-таки авторский метод – это намек на исключительность. А он давно привык считать себя штучным товаром. Табличка на дверях его кабинета это удостоверяла. Обычные люди табличек не имеют, разве что на кладбищенских оградках.

Да и литература – вещь приятная. Вячеслав Всеволодович книг давно не читал, не мог себе позволить. Времени в жизни хватало только на отчеты, рапортующие об ускоренной интеграции института в мировую науку. Разве что по дороге на работу ставил аудиокниги. Прекрасное изобретение: и делу не помеха, и культурный уровень поддерживает.

А что психолог дорого берет, так это даже хорошо. Элитарность Вячеслав Всеволодович ценил. Он свято верил в то, что психологические проблемы людей его круга сильно отличаются от проблем, которые встречаются в жизни людей попроще. Значит, и психолог нужен тот, который не имеет дел с обычной человеческой шелупонью.

В предвкушении оперативной помощи Вячеслав Всеволодович позвонил Эльвире и кратко обрисовал проблему. Психологиня попыталась заикнуться о встрече с женой, но получила однозначный отказ. Нечего Наташу от дел отрывать. Муж лучше ее понимает, что не так. И вообще, он платит,

значит, имеет право заказывать банкет.

Эльвира для приличия сказала, что эффект может быть не тот, но по ее голосу Вячеслав Всеволодович понял, что банкет состоится. Ему не откажут в консультации по поводу жены.

В назначенное время, закрывшись в кабинете и предупредив секретаршу, чтобы его не беспокоили, он вошел в Скайп.

– Здравствуйте, Вячеслав Всеволодович, – поприветствовала его невзрачная женщина.

Симпатию психологиня не вызывала. От нее исходили флюиды учительницы литературы.

– Добрый день, Эльвира. Или Элеонора. Простите, не запомнил.

– Не фокусируйтесь на пустяках. Давайте приступим к главному. Что вас беспокоит?

– Жена.

– Ваша жена? – переспросила психологиня.

– Коню понятно, что моя. Чужая жена если беспокоит, то ее всегда можно отодвинуть, – рассудительно сказал Вячеслав Всеволодович.

– Ну допустим, – как-то неуверенно согласилась женщина. – А что именно вас беспокоит в связи с вашей женой?

– Она как бы мертвая слегка, – максимально точно описал проблему Вячеслав Всеволодович.

– В чем это проявляется?

– В отсутствии жизни, – начал раздражаться клиент. За

такие деньги можно и пошустрее соображать.

Эльвира помолчала. Потом неожиданно обрадовалась:

– Значит, мертвая?.. Вы подобрали очень точное слово! Великая русская литература нам в помощь! Помните сказку про мертвую царевну?

– Нет.

– Ну как же? Пушкин, Александр Сергеевич.

– Пушкина знаю, а мертвую царевну нет, – с нескрываемым раздражением ответил клиент.

Тогда психологиня тягуче, как плохая актриса, начала декламировать:

– Во мгле печальной гроб качается хрустальный. И в хрустальном гробе том спит царевна вечным сном…

У Вячеслава Всеволодовича что-то зашевелилось в том ящичке памяти, где хранились воспоминания о школьных годах.

Эльвира подбодрила:

– Ну же! Смелее! Вы помните, кто ее разбудил?

– Королевич Елисей, – удивился Вячеслав Всеволодович цепкости детской памяти.

– Верно! Вот! Вы сами все сказали! Вашей жене нужен…

– Елисей? – перебил Вячеслав Всеволодович. – А ничего, что она замужем?

– Ну нельзя же понимать все так буквально, – мягко сдала назад Эльвира. – Елисей – это всего лишь образ, воплощающий любовь. Вашей жене нужна любовь, а уж в каком обра-

зе она к ней явится, вопрос технический. В конце концов, вы сами можете быть Елисеем, – предложила она, понизив голос до интимности.

– Это вряд ли. У меня работы много. Но суть я уловил. Спасибо.

И Вячеслав Всеволодович без сантиментов нажал отбой.

Ему пора было возвращаться к делам, об условном Елисее он решил подумать после окончания рабочего дня. А пока нужно было пропесочить одного нерадивого сотрудника, который писал научную статью с такой тщательностью, как будто речь шла о нетленном труде. Вячеслав Всеволодович не верил в то, что философия кому-то нужна. Зато нужны Пустодыхлов и Бронебойнов. Мысли о них вытеснили Наташу с Елисеем.

Вечером, по дороге домой, он все придумал. И даже сам удивился тому, как это просто. Мертвая царевна была обречена на оживление, хочет она того или нет.

На следующий день Наташа, проводив мужа, пошла варить кофе. Впереди маячил новый день, удручающе похожий на прежний.

В дверь позвонили. На пороге стоял курьер с огромным букетом цветов.

Наташа приняла букет, гадая, зачем Слава заказал его. Может, им вечером в гости идти, а он забыл ее предупредить? Или она что-то упустила, и сегодня какой-нибудь юбилей?

В стеблях цветов, словно распорка, торчала открытка. Наташа достала ее и начала читать. С каждой новой буквой глаза Наташи наполнялись изумлением, а щеки покрывались румянцем. К концу чтения она стала пунцовой и возбужденной.

«Милая моя незнакомка! Не знаю, как тебя зовут, но твоя походка пленила меня. Не сердись, но я проследил твой путь. Теперь я знаю, где ты живешь. Разреши мне хоть изредка, раз в неделю, посылать тебе цветы. В этом нет ничего плохого. Я боготворю тебя и никогда не нарушу твой покой, лишь бы ты была счастлива».

Наташа приложила ладони к щекам, постояла пару минут и решила, что букет с таким посланием невозможно оставить дома. Она – замужняя женщина, а букет отчетливо намекал на адюльтер. Наташа решительно двинулась к мусоропроводу. Там она еще раз рассмотрела букет. Последний раз она получала цветы на Восьмое марта. Кажется, это были протокольные мимозы. А тут яркая, восхитительная красота, изящество формы, тонкий аромат. Нежность, завернутая в полиэтилен. Цветы не заслуживали такой участи.

Наташа вернулась, спешно набросила курточку и выбежала из дома. Ее подружка Светка жила неподалеку, буквально в паре остановок на трамвае. Наташа решила отдать букет Светке под предлогом, что цветы оказались аллергенные. И подруге хорошо, и цветам неплохо. А самое главное, что Слава про это точно не узнает. Между мужем и Светкой

взаимная неприязнь. Они не вступают в контакты по собственной инициативе. Слава считает Светку безалаберной и сторонится ее, как будто это заразно. При его руководящей должности любая расхлябанность недопустима.

На обратном пути Наташа особо тщательно распрямила плечи и втянула живот. Подойдя к подъезду, она красиво выгнулась, читая объявление об отключении горячей воды. Наташа приняла меры на случай, если за ней наблюдает неизвестный воздыхатель.

Когда Вячеслав Всеволодович вечером пришел с работы, он застал жену без особых перемен. Его ждал ужин по графику, с нужным количеством калорий. По правую руку от главы семейства сидела жена, по левую – дочь. Все было правильно и на своих местах. Букета в доме не было, что порадовало мужа. Ему не хотелось выслушивать ложь.

Через неделю курьер принес новый букет. На этот раз Наташа уже не вспоминала про мусоропровод. Букет ушел жить к Светке незамедлительно.

Вячеслав Всеволодович бдительно следил за настроением жены. Первым звоночком перемен было нетерпение, с которым жена стала провожать его на работу. «Курьера ждет», – догадался Слава.

– Ты не видела зонтик?

– Дождя не будет.

– А вдруг будет?

– Не будет. Иди уже!

Вячеславу Всеволодовичу не понравилось это «иди уже», но, с другой стороны, мертвая царевна такое не скажет. Стало быть, оживление идет полным ходом. А живые люди порой доставляют неприятности. И муж решил, что он на верном пути.

Терапевтические букеты шли чередой, как по графику. Иногда в них попадались открытки с незатейливыми комплиментами. И каждый раз Наташа относила цветы Светке, которая со временем узнала о незадачливом ухажере и оттачивала остроумие на его счет.

Шел третий месяц букетного лечения. Вячеслав Всеволодович с удовлетворением отмечал перемены в жене. Наташа похорошела. Но к радости мужа примешивалась легкая досада. Лечение привело к нежелательным побочным действиям. У жены появилась неприятная манера подходить к окну и улыбаться, разглядывая облака. Этот странный блуждающий взгляд слегка бесил его. А на него, своего мужа, Наташа смотрела как-то обтекаемо, как будто она смотрит сквозь него куда-то в прекрасное далеко.

Вячеслав Всеволодович понимал, что достиг цели. Жена ожила. Но что-то пошло не так. Как будто поезд тронулся, пустился в путь, но не остановился на нужной станции, промахнул ее. И теперь летит, набирая скорость, в неизвестность.

Прежняя Наташа, сонная и уставшая, что бы он ни говорил, тут же соглашалась. В ней чувствовалась покорность и

надломленность. Теперь в Наташе поселилась какая-то резвость, а с ней и резкость. В ее плотно сжатых губах все чаще угадывалось раздражение, несогласие и порой презрение. Она молчала, но как-то насупленно. А когда он начинал рассказывать об институте, Наташа опускала глаза.

Однажды Вячеслав Всеволодович, как это часто с ним бывало, начал:

– Как ученый, я не могу согласиться с тем, что…

– Но ты ведь не ученый, – тихо сказала Наташа.

– Да, я вынужден был пожертвовать карьерой ученого. Коню понятно, что управлять людьми тяжелее, чем писать статьи. Наука осталась для меня хобби.

– Наука не может быть хобби, – упрямо возразила жена.

С этого дня Вячеслав Всеволодович перестал присылать курьера. Он решил наказать жену, поставить ее на место. На то самое место, где нет воображаемого Елисея. Где есть только он, ее муж. Важный начальник, нуждающийся в покое.

Обрубив поток букетов, Вячеслав Всеволодович начал ждать реакцию жены. Приходя с работы, он внимательно разглядывал ее лицо, мстительно надеясь увидеть признаки тревоги и тоски. Может даже слез. Но, странное дело, Наташа продолжала цвести. И все чаще, подойдя к окну, она посылала облакам эту противную бессмысленную улыбку.

Однажды у Вячеслава Всеволодовича сдали нервы. До нервного зуда захотелось размазать эту улыбку по ее лицу, смыть ее слезами. Еле дождавшись, когда дочь уйдет на оче-

редную студенческую тусовку, он стал выбивать стульчик счастья из-под ног жены.

– Ты чего там, в окне, все время высматриваешь?

– Ничего. Просто красиво.

Наташа даже не повернулась к нему. Это было уже слишком. Вячеслав Всеволодович почувствовал раздражение, резкое и неукротимое.

– Ухажера высматриваешь?

Наташа сосредоточенно молчала.

– Любовь себе придумала?

Наташа вздрогнула. Потом присела, сложив руки на коленях.

– Слава, нам нужно поговорить. В моей жизни появился другой мужчина…

Волна злобы смыла со Славы остатки благородства.

– Другой мужчина? Ты думаешь, что кто-то в тебя влюбился?

– Я не думаю, я знаю. – В глазах Наташи вспыхнула дерзкая радость.

– Ха! – попытался засмеяться Слава. – Знает она! Что ты знаешь? Да это я тебе букеты посылал! Я! Понимаешь? Я!

– Спасибо, они были красивые, – равнодушно сказала Наташа. – А я думала, какой-то сумасшедший.

Слава решил, что ослышался.

– Ты не поняла. Нет никакого влюбленного в тебя мужчины. Твоя любовь – придуманная! Нет его! Понимаешь? Нет!

Это все спектакль с записочками.

– Ну да, записочки были смешные, почти идиотские, – с едва заметной улыбкой сказала Наташа. – Но что это меняет? Давай закончим этот разговор. Теперь ты все знаешь. Прости, я давно хотела тебе сказать, но духу не хватало.

Вячеслав Всеволодович лихорадочно соображал. Новость не вмещалась в его сознание. Нет, этого не может быть. Просто жена путает явь с мечтами.

– Откуда ты взяла этого мужчину?

– Мы у Светы познакомились, когда я ей букет относила.

И она улыбнулась.

В эту секунду пелена спала с глаз Вячеслава Всеволодовича. Эту улыбку нельзя было спутать ни с чем. Сквозь нее сочилась любовь, не таясь и бесстыдно дразня. И этот блуждающий взгляд… Как будто она давно ушла от него, не покидая их дома.

Через несколько дней, когда Вячеслав Всеволодович участвовал в церемонии награждения лучших сотрудников института и лично вручал грамоты Пустодыхлову и Бронебойнову, Наташа собрала вещи и ушла.

Вячеслав Всеволодович так и не узнал настоящего имени королевича Елисея.

Верхом на комоде

Жизнь заставила Наташу стать примерной хозяйкой. В противном случае ей грозило увольнение с должности жены. С годами маниакальная тщательность во всем, что касалось стирки, уборки, готовки и прочих домашних трудов, стала ее второй натурой. Или даже первой. Потому что сначала Наташа делала то, что от нее ждал муж Слава, а уж потом вспоминала о себе.

Это не значит, что она ходила по дому распустехой. Наоборот, никаких халатов и растоптанных тапочек! Нарядный костюмчик из ассортимента Ивановской трикотажной фабрики и туфли-балетки составляли ее домашнюю униформу. Так однажды распорядился муж. Он привык командовать на работе и не мог разучиться, переступая порог дома.

Человек ко всему привыкает. Наташа привыкла подчиняться и блюсти чистоту. Это касалось и социального окружения. Они со Славой ходили в гости в правильные семьи, бросившие якорь в высших слоях общества. Там их ждали дизайнерский интерьер, изысканные блюда и разговоры о том, куда катится мир. В пропасть, разумеется.

Но если у Наташи случалась свободная минутка, она бежала к подруге Светке. Благо та жила почти рядом, пара остановок на трамвае. Это был портал в другой мир, где воздух пропитался законсервированным студенческим духом.

На Светкиной кухне Наташе казалось, что мир катится не в пропасть, а с молодецким присвистом летит в сверкающую даль.

Они дружили столько, сколько себя помнили, и давно приняли контраст их миров как данность. Более того, разительное отличие подогревало взаимное любопытство «Как так можно жить?»

Наташа выходила замуж один раз и никогда не имела любовников. Светка жила как-то наперекосяк. Она успела развестись, настрадаться в многочисленных непродолжительных романах и вновь выйти замуж, чтобы родить двух хулиганистых пацанов. Теперь она не просто ценила своего мужа, Игната, но с полным основанием для этого, ведь ей было с чем сравнивать. И когда у нее спрашивали, как она так удачно выбрала себе мужа, Светка чистосердечно отвечала: «Путем перебора».

Наташа приходила к ней в гости и долго искала, куда приткнуть свои туфли. На обувной полке и вокруг нее не было свободного места, потому что обувь всех сезонов ждала своего срока.

– Ты почему зимнее не убираешь? Лето же, – искренне интересовалась Наташа.

– А смысл? – так же искренне недоумевала Светка. – Зима близко. В такой стране живем.

На кухне Наташа тихонько, чтобы не обидеть хозяйку, сметала со стула странный черный рис. Светка тут же под-

летала с тряпкой:

– Вот ведь заразы! Опять Бусю из клетки выпускали!

Буся – черно-белая крыса – мирно отсыпалась в клетке.

Когда это случилось в первый раз, Наташа не поняла и переспросила:

– А это что?

– Какашки ее. Хорошо, что сухие, не мажут. Правда, на рис похоже?

Наташа знала, что, случись с ней такое в любом другом месте, ее бы вырвало. Маниакальное стремление к чистоте сделало ее болезненно брезгливой. Но почему-то в Светкиной квартире крысиные какашки ее не пугали, они были органичным дополнением к уютному бардаку, царящему в Светкиной квартире. Даже мило как-то, и действительно похоже на черный рис.

Они дружили очень близко, хотя жили в параллельных вселенных. Квартира Наташи напоминала операционную, где все лежало на своих местах и скромно сияло чистотой. А Светкин дом был похож на привал туристов, которые только что вернулись из похода. Такую атмосферу создавали не только раскиданные вещи. Светкин муж возвращался с работы с таким настроением, как будто он спустился с гор и страшно соскучился.

К Светке можно было забежать просто так, без приглашения. Хозяйка открывала дверь и говорила неизменное:

– Привет! Только у меня срач, извиняй.

Или звонила:

– Наташка, срочно ко мне. Я убралась! Красотища! Беги ко мне, пока мои мужики все не испортили.

И Наташка бежала. Но никогда не брала с собой Славу.

Он не умел перевоплощаться. Наташа давно поняла, что она может быть разной. Дома она одна, а у Светки – другая. Более молодая, бедовая, веселая. А Слава всегда одинаковый. Наверное, это и есть цельность натуры. Качество прекрасное, достойное уважения и необходимое для руководителя. Но для жизни совсем неподходящее, потому что тогда можно прожить только одну жизнь, одинаковую день ото дня. Славе хватало его жизни – с красивой табличкой на дверях огромного кабинета и с образцово налаженным домашним хозяйством. А Наташе не хватало. Хотелось черпать жизнь полной ложкой, а не цедить через трубочку.

И когда сосущее чувство утраты чего-то неведомого становилось совсем отчетливым и гнетущим, Наташа бежала к Светке. Там, в этом бедламе, она заряжалась силой на продолжение своей правильной жизни. У Светки она объедалась эмоциями, чтобы потом сесть на диету в доме, выстроенном по проекту Славы.

Наташа не то чтобы скрывала, но не особо афишировала перед мужем свои походы в Светкин дом. Интуиция подсказывала ей, что Славе неприятна ее дружба со Светой. Пользуясь казенным языком, он бы сказал, что «Светлана плохо влияет на жену». Впрочем, с цельными натурами вообще не

особо интересно разговаривать: заранее понятно все, что они скажут. Это как яйцо с разных сторон разглядывать, везде одинаковое.

Но жизнь – не яйцо. Она поворачивается, и открываются такие горизонты, что человеческая фантазия переживает по поводу своей немощи.

В тот день Наташа пришла к Свете, как обычно, без приглашения и без предупреждения. Ей нужно было пристроить в хорошие руки букет, который прислал какой-то сумасшедший воздыхатель.

Дверь открыл верзила. Буквально исполин. «Швед», – почему-то с перепугу подумала Наташа.

– Это Эрик! Проходи! У меня срач, извиняй. – За его спиной маячила Светка.

Эрик осторожно пожал Наташину руку, как будто она была из фарфора.

– Что такое срач? – спросил он с легким акцентом.

– Это такое дизайнерское решение, когда красиво то, что удобно, – ответила Наташа.

Эрик все понял и захохотал. В эти минуты Наташа окончательно решила, что он иностранец – у него были безупречные зубы.

Тут подлетела Светка:

– Цветы? На фига?

– У меня аллергия… Можно я тебе букет оставлю?

– Можно все, что не портит цвет лица! А откуда такой

недоделанный гербарий?

– Это смешная история… Просто бред какой-то…

Но закончить рассказ про странного ухажера ей не пришлось. Из глубины лоджии, как из палатки, вылез Игнат. Он кивнул Наташе и оповестил всех:

– Буси на лоджии нет.

Наташа услышала тихое подвывание из детской. Стало ясно, что крыса совершила побег. Семья в боевом порядке прочесывала квартиру. Буся была важнее гостей. Все-таки грызун на свободе – это великая разрушительная сила. Даже великан Эрик не так опасен для проводов и мебели.

Про цветы тут же забыли. И только Эрик затаил вопросительный взгляд, ему одному хотелось дослушать историю про букет. Светка на такие мелочи не разменивалась. Грызун затмил букет, и Наташа вздохнула с облегчением. Ей не хотелось при всех рассказывать про таинственного воздыхателя, а придумывать легенду было лень.

Наташе отвели участок для поиска крысы. Эрик сосредоточенно прочесывал соседний квадрат. Он осторожно, двумя пальцами, брал вазочки и дул в них, надеясь своим ураганным дыханием вынудить крысу на выход.

Наташа шуршала по соседству, стараясь распределить внимание между Бусей и Эриком так, чтобы крысе тоже что-нибудь досталось.

Наблюдать за Эриком было сплошное удовольствие. Он выглядел комично в своей сосредоточенной старательности.

Зачем-то приподнял комод, хотя под ним не было щели. Наташа вспомнила, как они со Светкой вдвоем передвигали этот комод, едва не надорвавшись. Добротная вещь, бабушкина. Сейчас таких не делают. Может потому, что перевелись мужчины, способные поднимать такие комоды.

Почему-то Наташа подумала, что если она сядет на комод сверху, то Эрик все равно легко поднимет его. Наверное, это страшно, подняться в воздух верхом на комоде. Чтобы не упасть, придется обхватить Эрика рукой за шею.

В этот момент Эрик почесал шею и посмотрел на Наташу.

– Нет нигде, – радостно сообщил он. – Крыса – умнее человека!

Но тут Игнат закричал:

– Нашел!

Наташа мельком взглянула на Эрика, и ей показалось, что он расстроился. Он явно ставил на крысу.

Буся спряталась в носке, который лежал под пианино. Ее торжественно вернули в клетку и пошли обмывать находку на кухню.

К чаю был тортик. Его срочно нужно было съесть, потому что у него вышел срок годности. В этом честно призналась Светка, предложив по желанию взять самоотвод. Таковых не нашлось. Просроченный тортик не испортил аппетит, а, наоборот, разбудил его. Пришлось Светке варить спагетти, а Игнату – тереть сыр. Когда покончили со спагетти, вспомнили, что в холодильнике есть суп. Его тоже пригово-

рили. В завершение открыли банку маринованных патиссонов. Этот гастрономический бардак легко лег на желудок и взвинтил настроение на высоту дружеской пирушки. На смену патиссонам пришла гитара, и оказалось, что Эрик неплохо поет. По ходу дела выяснилось, что он не швед, а немец, партнер Игната из Восточной Германии. Как истинный ариец, он спел «Подмосковные вечера».

Когда Наташа посмотрела на часы, то поняла, что опаздывает к ужину. Слава это не одобряет. Он может ввести санкции.

– Я побегу, мне пора.

Наташа с сожалением встала из-за стола. Ей показалось, что в глазах Эрика промелькнуло разочарование. Но мало ли что может показаться в таком возбужденном состоянии.

Как выяснилось, состояние тут ни при чем. На следующий день Светка позвонила и сказала:

– Меня Эрик изнасиловал… Не выпускай Бусю, тебе говорю!

– Что? Что случилось? – обмерла Наташа.

– Да опять дети Бусю выпускают. Вот засранцы!

– Нет, ты про другое говорила. Эрик тебя изнасиловал? – Наташа громко сглотнула.

– Да! – радостно подтвердила Светка. – Прямо изнасиловал меня, чтобы я ему твой телефон дала.

Наташа почувствовала, как с души спадает груз. И с изумлением поняла, что имя этому грузу – ревность. Она бы не

хотела, чтобы Эрик изнасиловал ее подругу.

– И ты дала?

– А ты бы ему не дала?

И подруги захохотали, одинаково поняв двусмысленность фразы.

С того дня Наташа стала ждать звонка.

Слава приходил с работы и рассказывал, на какую высоту он поднял институт. А Наташа вспоминала, как Эрик приподнял комод. Для Наташи комод был конкретный, а институт абстрактный. В какой-то момент она поняла, что и Слава для нее абстрактный мужчина. Он выполняет в ее жизни определенные функции. С ними он справляется. А вне этих функций, просто как человек, он ей неинтересен.

Эрик позвонил через неделю.

– Привет!

Он не сказал «это Эрик». Наташе это понравилось. В его краткости сквозила уверенность, что только он может позвонить Наташе. Кто же еще?

– Привет, – ответила она.

– Мне трудно тебя не видеть.

И опять это было точное попадание. Он пропустил все ненужные слова, обнажая суть, до которой можно не добраться, если идти к ней издалека. Он говорил так, будто всю эту неделю они были вместе. Но в каком-то смысле так оно и было. Не обязательно же звонить человеку, если можешь просто думать о нем.

– Я хочу встретиться.

Наташа кивнула. Она забыла, что кивок нельзя услышать.

Но он услышал.

Услышал не только кивок, но и ее тоску по чему-то большему, чем мир, организованный по проекту Славы.

Так началась ее новая жизнь. У ящичка под названием «образцовый дом» появилось двойное дно.

Как разбирался со своей семьей Эрик, Наташа не знала. Да и знать не хотела. Он пару раз сбрасывал настойчивые звонки, но она не сомневалась, что он перезванивает, когда остается один. Такие мужчины не могут взять женщину, посадить на комод, поднять до небес, назвать женой, а потом уронить за ненадобностью. Если уж взялся, то понесет до конца, до могилы. Такие не разводятся из-за каких-то новых знакомых, встретившихся в командировке. Эрик был надежен, как скала.

Но и в скалах случаются трещины, а в них ветер жизни заносит семена новых чувств. И вот уже на скале растут цветы. Но какими бы прекрасными ни были эти цветы, они не могут сдвинуть скалу с места.

Наташа это понимала. Однако отсутствие перспектив не пугало ее. Ей не нужна была новая семья. Семья вообще не может быть старой или новой. Это же не платье. Она просто должна быть. И у Наташи семья есть. Правда, там душно, как в комнате с запечатанными окнами. Но ведь это не повод взрывать комнату.

Эрик мотался между Германией и Россией сообразно графику партнерского сотрудничества. Этот же график определял дыхание Наташи. Она то сидела в душной комнате, то выбиралась на простор и, зажмурившись от счастья, ловила струи свежего воздуха.

Слава ничего не замечал. Он занимался институтом и держался зубами за свою табличку на дверях. А Наташа замечала. Замечала то, что раньше как-то ускользало от нее. Ей вдруг открылось, что Слава неумный и неталантливый. Нет, нельзя назвать его глупым. Но глупый и неумный – это очень разные вещи.

Наташе стал сниться один и тот же сон, будто она сидит на комоде, а рядом проплывают облака. Комод летит над домами и лесами, то набирая высоту, то почти касаясь вершин деревьев. На комоде места хватает только для Наташи. Но ей кажется, что она не одна. Что кто-то стоит на земле, смотрит на нее и своим дыханием рождает воздушные потоки, на которых парит комод. От этих снов у Наташи появилась странная привычка – стоять у окна и высматривать комод между облаками.

Раз в неделю курьер приносил букеты, и раз в неделю Наташа относила их Светке. Та привыкла и театрально привередничала: «И когда уже он на орхидеи сподобится? Все розы и розы… Слушай, а может, он жмот?» Подруги давно превратили незадачливого ухажера в повод для шуток. Повод для серьезного разговора – Эрик – не подлежал обсуждению.

Светка обо всем догадывалась, но молчала.

Молчал и Эрик. Он любил молча. Точнее, он говорил, лаская слух приятным акцентом, но не о главном. А это все равно что молчать. И Наташе это нравилось, потому что главные слова быстро переходят в обещания, а обещания – в повод для разочарований. Не клянись, и не станешь клятвопреступником. Ну что мог пообещать Эрик, если у него в Германии осталась своя фрау? С ней он говорит без акцента и имеет общую недвижимость. Про детей Наташа не спрашивала. Это было бы ненужное и слишком болезненное знание. Достаточно фрау и их общего дома.

Так прошло три месяца. Наташе все чаще стала приходила мысль о разводе. Дело было даже не в Эрике, а в Славе. Можно служить божеству. Даже приятно класть свою жизнь к ногам человека, который кажется самым-самым. Но что делать, если уже не кажется? Если помимо воли пришло прозрение? Говорят, не сотвори себе кумира. Это в высоком, философском смысле. У жизни своя правда. Кто-то может прожить без кумира, а кто-то нет. Наташа была из той породы женщин, для которых нет ничего слаще, чем служить человеку, достойному восторга души. Отношение к Славе прочно покинуло отметку «восторг» и застряло в развилке от раздражения до равнодушия. Тогда ради чего? Дочь?

Наташа видела, что дочь выросла и неумолимо отдаляется. В ней просыпается желание свить собственное гнездо. Пока непонятно, с кем и когда, но уже вовсю звенит первый

звоночек – критическое отношение к родительскому дому, к отчему гнезду. И если его треплет ветер, то можно, конечно, посочувствовать, но как бы издалека. Есть ролевые персонажи – папа и мама. Порознь они будут или вместе, не принципиально. Во взгляде дочери проступало не просто равнодушие, а наивная самоуверенность, что ей удастся свить гнездо, которому никакой ветер не страшен. Молодость жестко судит ошибки других. И только зрелость и накопленные неудачи остужают веру в собственное всемогущество.

В начале истории с Эриком Наташе казалось, что она сможет удержать ситуацию под контролем. От других женщин она слышала, что влюбленности случаются. И проходят. Пройдет и у нее. Рушить и взрывать – это не ее почерк. Но Эрик не рассасывался. Наоборот, отношения с ним становились все сильнее, глубже. Они утягивали ее в какую-то воронку с непредсказуемым финалом. Наташа поняла, что ее жизнь не просто превратилась в ящичек с двойным дном, но, что самое страшное, если его выдвинуть, он зияет оскорбительной пустотой. Все уместилось в потаенном отсеке. Тогда зачем эта ложная конструкция?

Наташа решила поговорить со Славой.

Возможно, вмешался великий Карл Маркс с его «бытие определяет сознание». Наташа так долго поддерживала в безупречной чистоте свое бытие, что сознание потребовало навести порядок в отношениях с мужем. А может, Маркс тут ни при чем. Просто отрезать хвост по кусочкам больнее, чем

рубануть один раз. По кусочкам – больнее, а одним махом – страшнее.

Наташа решилась на разговор с мужем и заранее прокручивала в голове, как это будет. Но не угадала. Слава пошел с козыря, с разоблачения букетов. Он не заметил, что Наташа давно играла в другую игру, и то, что было козырем для Славы, для нее значения не имело. Он хлестал ее словами, пытаясь сделать больно, а Наташе казалось, что он своим криком разгоняет остатки сожаления и сомнения по поводу их совместной жизни. Всегда неловко смотреть на чье-то бессилие, и особенно, если этот кто-то – твой муж.

Когда все было кончено, Наташа легла на диванчик в кухне, натянула на голову плед и замерла, потрясенная тишиной. Взрыв, разметавший дорогу к отступлению, стих. Обратного пути нет. Но и впереди ничего не видно. И от этого чувства полной неопределенности ее стала бить нервная дрожь. В глазах появилась странная рябь, словно крошечные темные веточки покрыли мир зыбкой паутинкой. Наташа знала, что это за веточки. Это разлеталось по ветру ее гнездо.

Она ничего не сказала Эрику. Только попросила Светку сдать ей квартиру, которую та недавно получила в наследство от троюродной тетки. Светка округлила глаза и сказала только:

– Там пока срач, я еще не убралась.

– Ничего. Убираться я люблю.

Тема была закрыта. Когда у тебя огнем горит отрубленный хвост, совсем не хочется обсуждать подробности операции. Светка это поняла и не лезла с расспросами. Все, чем она могла помочь, это достать из клетки Бусю:

– Подставляй руку.

– Я боюсь. – Наташа еще ни разу не держала крысу.

– Это ты-то?

И они невесело рассмеялись. Действительно, по сравнению со Славой Буся была безопаснейшим существом.

Наташа неуверенно протянула руку. Бережно, почти нежно Светка пересадила Бусю на доверчиво распростертую ладошку подруги. И та на миг забыла и Славу, и Эрика.

На ее ладони помещалась жизнь, остро царапая малюсенькими коготками и лаская теплом, щекоча мягкой шерсткой. И этот хвост, устрашающе голый, если смотреть со стороны, но трогательно замшевый, если отважиться и погладить. Как сама жизнь. Колючая и ласковая одновременно. И непредсказуемая, щедрая, осыпающая сюрпризами, если решиться жить, а не стоять понуро и смотреть, как листается твой календарь.

– Ты только Эрику ничего не говори, – попросила Наташа. – Ну, что я от Славы ушла…

– Ты уверена?

Наташа кивнула. Не хотелось объяснять, что уход от Славы – это не прыжок в объятия Эрика. Это вообще разные истории. Просто они совпали во времени, подогревая и питая

друг друга. Со Славой она дошла до финала. И теперь ей нужен только угол, где можно спокойно поплакать, провожая эту историю в архив жизни. При чем здесь Эрик?

Переезд не занял много времени. Наташа взяла самое необходимое и уже на следующий день открыла незнакомым ключом дверь в чужую квартиру. Там было пыльно, грустно и тоскливо.

Наташа села на продавленный диван и заплакала, провожая свою жизнь под откос. Сквозь слезы заметила, что картина на стене слегка покосилась. Самую малость. Но эта неправильность не давала полностью погрузиться в свое горе, отвлекала и требовала принять меры. Наташа встала и поправила картину. Рама оказалась пыльной, руки стали противно-серыми и сухими. Пришлось пойти в ванную в поисках тряпки, чтобы протереть пыль. Тряпка нашлась, но крупная, массивная. Такой только пол мыть. Вспомнилось, как шутила бабушка: у мужиков дом там, где с бабой переспал, а у бабы там, где пол помыла. Вот и ей надо помыть пол. Раз уж тряпка нашлась, чего уж теперь.

Она мыла пол и пропустила момент, когда жизнь сдвинулась с мертвой точки и едва заметно сменила траекторию, передумав нестись под откос.

Одновременно раздалось два звонка. Один – ее телефон. Второй звук новый, требовательный – видимо, дверной звонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.